
Елена ТУЛУШЕВА

РАССКАЗЫ

КОЗЫ-ПРОВОКАТОРЫ

— Кто не поедет сегодня на рафтах? Если есть такие, мы вам заменим сплав на экскурсию в Ботанический сад или ферму маралов.

— Есть. Давайте на ферму маралов.

Девушки на сиденьях сбоку посмотрели на него с сожалеющей улыбкой. Он улыбнулся в ответ, хотя их жалость раздражала. В вашем возрасте я этих сплавов намотал, сколько тут сидящим и не снилось, и не по Катуню детской, а вон — по Чуе! Это вам не покатушки, а пороги шестого уровня! Да что уж тут — каждому объяснять не будешь. Нет настроения мерзнуть. С утра дождь, на воде в два раза холоднее. Мне ведь не сплав страшен, мне застудиться не хочется, а коли сел на весла, то мокрым плыть придется все три часа.

К его сожалению, никто не спрашивал о причинах отказа, потому и разговориться было не с кем. Он утешал себя мыслью, что и не с ними общаться приехал, а, вообще-то, к другу. Пять лет не приезжал, а тут карантин подкинул возможность. Однако экскурсовод продолжал монотонно бубнить: «Маршрут не из легких, так что мы с пониманием относимся к желаниям туристов отказаться и бесплатно заменим на другую, более щадящую экскурсию». Такого сочувствия он уже не готов был терпеть.

— А на конную прогулку можно заменить? У вас же тут недалеко водят горными тропами на конях? Подворье у Степана, кажется, или Сергея.

Девушки снова уставились с интересом, он чувствовал их взгляд боковым зрением и внутренне ликовал.

— Конную можно организовать, но завтра. Да, тут недалеко конюшня, есть попроще маршруты — по полю покататься, есть для продвинутых — через лес в горы. Записать вас?

— Да, пожалуйста. Меня на горный маршрут, для опытных.

Еще несколько человек из микроавтобуса повернулись с любопытством в его сторону и начали расспрашивать экскурсовода об уровне сложности конного перехода.

То-то же. Вот там и посмотрим, кто из нас на что еще способен. Сегодня передохнем, завтра с ветерком на коне, а послезавтра к Витьке. Один денек он и подождет, уж не обидится.

Елена Сергеевна Тулушева родилась в 1986 году в Москве. По образованию медицинский психолог, филолог. Публиковалась в толстых литературных журналах «Наш современник», «Новый мир», «Юность», «Роман-газета», «Нижний Новгород», «День литературы», «Литературная Россия», «Север», «Невский альманах», «Подъем», «Сибирские огни», «Берега», «Дон» и др., а также в литературных журналах, газетах и альманахах Китая, Италии, Сирии, Канады, Казахстана, Болгарии, Венгрии, Германии, Франции, Беларуси, Эстонии, Украины. Прозаик, член Союза писателей России, автор трех книг прозы. Рассказы переведены на арабский, итальянский, китайский, македонский, немецкий, французский, венгерский, болгарский, белорусский языки. Трижды лауреат стипендии Министерства культуры РФ, лауреат нескольких литературных премий.

С Витькой они познакомились на заводе, сразу после института. Считай всю жизнь вместе. Когда Миша окончил саратовский институт, ему предложили по распределению какие-то крохотные городишки в разных уголках Союза. Самой привлекательной оказалась Истра — максимальная близость к столице и относительно недалёкая дорога домой. Ночь на поезде, и ты на месте. Миша фантазировал о перспективах, о волшебной молодежной жизни в Москве и об аспирантуре.

Отец всегда подтрунивал над специальностью сына, подтрунивал гадко, как умеют только властные отцы, лишней раз не упуская момента обесценить любые заслуги сына, начиная с детской поделки, заканчивая «бестолковой» научной статьёй. Отец указывал на абсолютное большинство девочек на их экономическом факультете и смеялся, что на заводе сын будет чувствовать себя девицей. А Мише в принципе не интересны были ни заводы, ни мужики, ни рабочие планы и нормы труда, которые ему предстояло высчитывать. Ему хотелось отрастить волосы после окончания военной кафедры, носить свои с трудом добытые джинсы-клеш, слушать западную музыку, узнавать мир, да и вообще смотреть шире, дальше, как минимум, дальше родного Саратова. Потому аспирантура казалась слабой надеждой на то, чтобы вырваться за пределы классического карьерного тупика советского инженера-экономиста.

В длиннющей очереди в отдел кадров на заводе, когда все только прибыли и ждали направления в общежитие, Миша и увидел Витьку. Каждый год на завод приезжало около семисот человек со всего Союза, но во всей этой толпе они подружились именно с Витькой: какой-то лёгкостью, надеждой и уверенностью веяло от того.

Когда подошел их черед, зайдя в мрачноватый пыльный кабинет с кучей папок на всех возможных местах, они попросились жить вместе, на что женщина в кружевной блузке и с большим золотым перстнем с каким-то сочувствующим вздохом протянула: «Это уж как договоритесь с остальными, мальчики».

Общежитием оказался выделенный подъезд многоквартирного дома. Увидев его на подходе, оба весело присвистнули: это ж тебе не по двадцать человек в комнате с двумя сортирами на этаже, как запугивали, это ж полноценные квартиры! Миша с шести лет жил с родителями в отдельной двушке с ванной, холодильником и телевизором. Мать очень переживала, когда он решил отказаться от возможности остаться в Саратове, боялась, что непривычный быт если не сломит сына, то уж точно подорвет его здоровье.

А Витька и вовсе был счастлив впервые пожить в квартире. Витька вырос в детском доме. Обычно детдомовские с трудом дотягивали восемь-девять классов, потом их всем потоком спихивали в училище на маляров или токарей и дальше в армию. Витька оказался одаренным в математике и физике, и его додержали в детдоме до десятого класса, чтобы он мог попасть в институт или чтобы детдом мог с гордостью выставлять у себя все Витькины грамоты за олимпиады, получая благодарности свыше за воспитание «целой плеяды будущих ученых». Правда, за двадцать лет Витька был единственным представителем «плеяды», окончившим все десять классов. На школьный выпускной директор даже одолжила ему костюм своего племянника, а отправляя в Куйбышев на вступительные экзамены, его снабдили внеочередной парой нижнего белья и носков (предупредив, правда, что больше ему от детдома ничего не светит, так что в случае провала пусть не возвращается). Витька не провалился, а выучился на инженера и тоже решил рвануть поближе к Москве, по распределению угодив в самую ближайшую к столице точку — Истру.

В общем, оба парня были счастливы, стоя со своими тюками у подъезда свежей блочной девятиэтажки. Вот она — свобода! Никаких тебе комендантов и отбоев, никаких родителей, отслеживающих твое прибытие не позже одиннадцати. Они теперь

взрослые дипломированные инженеры, которые будут получать законную зарплату и тратить ее по своему усмотрению. Они бурно обсуждали планы на ближайшие три года: ровно столько у каждого из них было, чтобы отдать долг Родине, отработав положенное по распределению, и перебраться (в их светлых мечтах о пользе стране) в столицу, в идеале в собственную комнату или даже квартиру к красавице и умнице москвичке-жене, которая где-то уже ждала своего перспективного принца-провинциала.

Они поднялись на пятый этаж, было уже около восьми вечера. На лестничный пролет выходили две одинаковые незакрытые двери с оборванными звонками. Направо была их: оттуда слышались мужской смех и звон стаканов. Заглянув внутрь, они наткнулись на мужика, неуверенно пробиравшегося, как будто и не видя их, по коридору. У дальней двери он хмуро обернулся и ввалился в ванную. Из кухни их окликнули и позвали за стол.

В трешке уже жили пятеро мужиков, все — рабочие с завода. Мишке сказали, что он будет спать третьим в самой большой комнате, куда влезала раскладушка, а Витька, как курящий, вторым в той комнате, где живет один Саныч (тот самый, который исчез в недрах ванной, когда ребята пришли). Остальные тоже были курящими, и ребята не сразу поняли логику подданных соседей насчет размещения, но, не сговариваясь, решили пока не спорить, а вместе поужинать и познакомиться. Мишка достал привезенную из дома колбасу, встреченную одобрительными панибратскими возгласами, им наливал в замызганные стаканы теплое пиво, и знакомство состоялось.

Спустя пару часов душного застолья Витька завел речь о возможности им с Мишкой жить в одной комнате, а Саныча переселить третьим на раскладушку. Миша даже неловко как-то пытался предложить «договориться» с первой полочки. Мужики хмуро заржали.

Наутро после первой ночи на новом месте Миша вошел на кухню и чуть не задохнулся от тошнотворного запаха. Вонь шла из-под стола: вечером он не заметил, что импровизированной мусоркой служила коробка из-под телевизора, стоящая в ногах, куда скидывались все очистки и вообще, кажется, все что угодно. Он, набрав воздуха, побежал с коробкой на улицу к мусорным контейнерам. Однако по возвращении встретил хмурый взгляд соседа: «Ты тут порядки свои не наводи. Спрашивать сначала надо». Миша не понял, что случилось, начал оправдываться, на что мужик только рявкнул: «Ты на хрена коробку выкинул, я ее только два дня как поставил! Где их набрать — коробок стоко, чтобы всякие пижоны выкидывали! Пока доверху не будет — шоб не трогал».

Миша пил чай, глядя на унылый пыльный пейзаж из окна, когда на кухню вошел еще более унылый Витька, усвоивший этой ночью, что Саныч — это вовсе не отчество, а очень четко характеризующее прозвище и спать в одной комнате с бедолагой точно никто не согласится.

Спустя несколько дней ребята поняли, что нужно искать варианты с другим жильем. Миша рассказал Витьке про аспирантуру, пытаясь сагитировать и его, но Витька рассмеялся утопическим фантазиям друга, да и к тому же в этом году все равно экзамены было не сдать, а перспектива прожить несколько месяцев в их «квартире» удручала.

Миша привык по утрам умываться и бриться по двадцать минут в своей ванной, неспешно идти на кухню, где мама выставляла теплый завтрак, и они могли спокойно о чем-то поговорить. За пять лет института он так свыкся с тезисом матери: «Твоя задача лишь в том, чтобы отлично учиться и не попадать в переделки», что сейчас ощущал себя первоклассником, потерявшимся на линейке. Витьке было проще, но и он с тоской вспоминал суровые правила чистоплотности в общежитии, четкий график уборки и очередности в душевые.

Несколько недель их выходные проходили по одному и тому же сценарию: поднявшись пораньше, они выезжали по адресам, которые успевали насобирать за неделю у всех, кто мог посоветовать хоть самого отдаленного знакомого. Они искали съемное жилье любого формата: комната в деревенском доме, в квартире, в общежитии для молодежи, да где угодно. Пока объезжали известные им адреса, подпольные арендаторы делились с ними дополнительными контактами своих несознательных знакомых, сдающих угол.

Удача настигла их лишь в октябре, когда Мише казалось, что не только вещи, но и сам он уже пропах этим невыносимым душком квартиры так, что даже и на свидание пойти не решился бы, пока не съедет. Подслеповатая бабулька Ефросинья Гавриловна (зовите меня просто баб Фрося) готова была сдать веранду, через которую даже вел отдельный ход, в небольшом, но аккуратном домике с ажурными скатертями на подоконниках и тюлевыми занавесками.

Веранда вмещала в себя кровать и два сундука, которые старушка обещала освободить для «мальчиков». Места оставалось, как минимум, еще для раскладушки и стола. Миша шурился от яркого солнечного света, пронизывающего веранду сквозь десятки стекол, и наслаждался ощущением чего-то детского, напоминающего не то пионерлагерь, не то детсадовские дачи. Старушка качала головой и охала, ругаясь на обилие стекол, и говорила, что сдать жилье может всего на пару месяцев, потому что зимой «задрогнуть тута можно». Миша с Витькой решили, что после алкогольной квартиры их уже ничем не проймешь, и договорились добывать и оплачивать дрова для кухонной печи, тепло которой прекрасно расплывалось и по их территории. Целых полтора месяца. С конца ноября они просыпались под влажными от конденсата одеялами. В декабре пришлось закупить еще больше дров, старушка не жаловалась, хотя в ее части дома бывало натоплено, как в бане, но с каждой неделей ребята мерзли все больше.

В январе Миша привез из Саратова обогреватель, который мать урвала в каких-то очередях. Переть его с вокзала было тем еще испытанием, но ситуацию он существенно выправлял, хоть и нещадно вонял, и увеличил их плату за электричество. Баба Фрося ребят полюбила: компаний в дом не водили, да еще и топили так щедро, что старые ее кости как будто снова окрепли, забыв о болях и ломоте. Иногда она предлагала им что-то приготовить, брала меньше, чем в заводской столовой, а иногда и угощала просто так, когда пекла пирожки или блины.

Витька не жаловался. По утрам он вскакивал первым, ставил на электроплитку ведро с водой и в ожидании кипятка активно прыгал и отжимался. Миша не высовывался из-под одеяла до последнего, пока от ведра не поднимался клубами пар, хоть чуть-чуть согревавший веранду и обещавший несколько минут бритья с теплой водой.

На всю жизнь первая подмосковная зима отбила у Миши ту чистую и счастливую детскую любовь к снегу, морозным утрам, хрустящим сугробам и заиндевшим окнам. Долгие годы потом ему казалось, что он все не может отогреться: он запрещал жене проветривать зимой, поднимал края штор, подтыкая ими рамы, чтобы тепло не уходило, сам лично клеивал окна, а в девяностых первым из всех их знакомых поставил стеклопакеты, гордясь ими больше, чем первым ноутбуком. Жена ворчала, что он, как южный человек, просто избалован теплом и капризничает, но Миша был непреклонен и в любых своих поездках, что в молодости, что уже потом с детьми, в первую очередь заботился о тепле.

Вот и сейчас он ежился в автобусе, представляя, как противно в такую погоду сидеть в мокром гидрокостюме на носу рафта, активно шевеля веслами не столько для продвижения по и без того бурной реке, сколько для согревания. Ладно б в июле, а тут сентябрь, да еще промозглый какой.

Экскурсовод набалтывал очередные версии алтайских легенд про главные реки Чую и Катунь, про пещеры и ущелья, про озера и ледники. Сколько лет Миша ездил сюда, столько разных вариаций слышал. Уж договорились бы хоть, что ли. Вот оно — формирование народного фольклора в двадцать первом веке, не могут общую программу историй составить.

Вот опять байка про мужика, нашедшего золотой слиток и бросившего его на дно озера. «Потому что понял он, что богатство не может принести счастья», — нравоучительно закончил экскурсовод. Миша саркастически хмыкнул. Он прекрасно помнил, как в ту ледяную баб-Фросину зиму Витька в один день стал счастливым. Из-за бесконечных трат на аренду и обогрев веранды Витька сокрушался, что ему денег даже на кино не хватает. Ходил все время понурый и тревожный, никак не находя возможности подработать, но гордо не соглашался на то, чтобы дрова и электричество оплачивал Миша, которому мама заботливо посылала половину своей зарплаты, уговаривая в письмах следить за здоровьем и хорошо питаться.

Однажды Витька пришел радостный и с возгласом: «Ну все, теперь заживем!» — бросил на стол какую-то бумажку и улегся на кровать. Миша посмотрел в бумажку и ничего не понял: это был постоянный пропуск в производственный цех. Обычно им выписывали разовые при необходимости, поскольку оба они, как инженеры, работали в производственных зданиях завода: Миша — в экономическом отделе, Витька — в так называемом научном.

— А это зачем тебе? — Миша уже привык к Витькиному умению из всего делать яркий ход. За эту черту Витьку любили в компаниях — эдакий парень-иллюзионист, любую историю расскажет так, что заслушаешься.

— А затем, Мишка, что мы теперь с тобой заживем наконец, как настоящие московские ребята! Наконец я придумал, как все устроить с деньгами.

Миша растерянно улыбнулся.

— Теперь я, Мишка, полноценный рабочий! Долой буржуев инженеров, да здравствует черный труд! Это надо отметить! В субботу едем с тобой в то кафе на Арбате, как его там? Буду проставляться. Только ты мне денег одолжи, а я с первой полочки отдам.

— «Метелицу», что ли? Ничего не понял. Ты что, уволился?

— Уволился со ставки инженера, зачислился рабочим. Так что теперь мой оклад ровно в полтора раза больше твоего! Вот она — сила революции, все деньги в низы!

— Ты чего? Зачем?! — Миша был сбит с толку.

— Затем, что это такие, как ты, должны работать головой в теплом кабинете. У тебя вся семья мозговитых. А я самой жизнью был уготован для простого ручного труда. Я еще когда только оформлялся, все расспросил, они мне сами предложили плюнуть на диплом и идти на большой оклад, но рабочим. Но я тогда гордый был, думал: как это, зачем же я пять лет учился?

— И зачем же...

— Хороший вопрос, кстати! — Витька как-то грустно ухмыльнулся. — Может, чтобы спину гнуть на пять лет меньше. Все же в институте книжки читать повеселее, чем детали вытачивать. А как вступил бы в рабочую жизнь, так на равных уже, без льгот, и на всю жизнь у себя в Новокуйбышевске и застрял бы. А тут вот считай в Москве работаю! И правы они: надо самому себе жизнь строить, мне рассчитывать не на кого.

Миша сел на кровать, испытывая и жалость, и сочувствие, и какое-то разочарование к другу. У них были такие планы вместе, Миша только начал чувствовать себя настоящим взрослым, вместе им удавалось решить все вопросы, выкручиваться из щекотливых ситуаций, справляться с унынием распределения.

— Ты что же, получается, снова к ним? Мы же от этого с тобой сбежали.

— Чего, боишься, что я такой же стану? — Витька искренне улыбнулся, хотя Мише было не до шуток. — Ну что ты за фаталист?

Витька вскочил, открыл скрипящий сундук и начал раскладывать свой скудный гардероб на кровати. Витька разложил все содержимое по стопкам и достал лист бумаги.

— Итак, Мишка, теперь мы с тобой заживем! Для начала надо мне купить нормального вида брюки и рубашку. Хочу штаны вельветовые, как у того пижона бородатого, помнишь, у Верки на квартирнике? Сейчас набросаю мои траты, и определим, сколько у меня будет оставаться каждый месяц.

Витька с улыбкой занялся делом, быстро набрасывая своим ровным каллиграфическим почерком смету на месяц.

— Готово. Так. Значит, слушай сюда. В субботу идем в «Метелицу» отмечать это дело вдвоем. А в воскресенье едем на блошинный рынок, у меня где-то был адресок записан.

— А рынок зачем?

Витька улыбнулся и покраснел:

— Запонки себе хочу. Смешно, слушай, но все пять лет института мечтал о них, у профессора увидел и прям слово себе дал — как только обживусь, с первых лишних денег куплю себе запонки!

— Под них рубашка нужна определенная, — машинально промямлил Миша.

— Какая это — определенная?

— На манжетах должны быть прорези под запонки, а не пуговицы пришиты.

Витька поглядел на стопку из трех блеклых застиранных рубашек.

— Вот что ты за человек такой? Вечно все счастье испортишь! — он взглянул на Мишку и рассмеялся от кислого выражения лица друга. — Купим запонки, а уж тогда придется и рубашку.

Миша улыбнулся, вспоминая обрывками, сколько еще пижонских вещей они накупили в тот первый подмосковный год и потом, когда Витька приезжал в увольнение из Владивостока с полными карманами денег и истосковавшейся по покупкам душой.

Служить Витька отправился именно из-за денег, когда закончились три года по распределению на заводе. После военной кафедры он получил офицерское звание лейтенанта запаса, а гражданам, готовым защищать Родину где-то на северах или Дальнем Востоке, предлагались огромные по тем временам оклады в двести восемьдесят рублей против инженерской зарплаты Миши в сто двадцать. Витька мерил будущее жалованье в ботинках или в пластинках, иногда в наручных часах. Потом высчитывал, сколько сумеет накопить, ведь «там наверняка тратить-то особо не на что». Как выяснилось уже через пару месяцев службы, Витька даже представить себе не мог, насколько там было не на что тратить. Разве что на алкоголь, которым утешались девяносто девять процентов тех, кого жизнь забрасывала в такую глушь.

— На самый верх водопада мы туристов не пускаем. Конечно, заграждения нет, но, пожалуйста, не поднимайтесь. В семидесятые годы мужчина упал оттуда и разбился насмерть. Полез наверх позировать для фото, — экскурсовод встал сбоку от тропинки.

Что за чушь: позировать для фото. Фотоаппарат в нашей молодости был вещью ценной. Это не как сейчас — достал из кармана телефон, щелкнул, убрал. Мы на каждом углу не фотографировались. А тем более когда в поход идешь: за спиной не современные палатки в два кило, а брезентовые, да одежда теплая, тяжелая, да еще снаряжение сколько весит. Ага, много ли дураков было фотоаппарат на себя нацеплять. Случались, конечно, да не в нашей компании.

А Витька полез за цветком для Светы. Там наверху торчали какие-то желтые. Обычные полевые. Да вот только Света вздохнула по-девичьи: «Какая красота там растет!», и все, как говорится, процесс запущен. Витька и полез. Миша не полез. Не потому, что страшно: снизу и не казалось, что там высоко: когда у подножия стоишь, вроде и тропинка есть, и валуны крепкие, видно, за что держаться, не отвесная скала. Мише просто и не пришло в голову куда-то лезть за цветами, хоть Света была его невестой. Их же можно было сорвать и в поле или купить в Москве, как он несколько раз делал.

Миша подошел к плите и посмотрел на потрескавшуюся эмалированную фотографию Витьки. Экскурсовод тоже подошел, указывая остальной группе направление тропинки вверх, к подножию водопада. Миша вынул из кармана упаковку влажных салфеток и начал протирать плиту. Потом аккуратно свернул салфетки, положил их на траву в стороне и достал бронзовую флягу.

— Ну что, Витек, привет! Добрался я наконец!

Экскурсовод хотел было что-то сказать, но тихо развернулся и пошел к группе. Миша чокнулся с воздухом, отпил несколько глотков.

— Ну давай посмейся надо мной, посмейся: вода у меня там, а что я могу? Я, брат, уже шестой год не пью, я же тебе говорил в тот раз, что доктора насели, надо было хоть попробовать этот их ЗОЖ. Зато, между прочим, сбросил одиннадцать кило, и сразу никакой одышки до четвертого этажа, понял? — Миша похлопал было себя по животу, но потом осекся. — Правда, за этот чертов карантин опять три набрал. Ничего поделаться с собой не мог: ем и ем! Тебе тут хорошо — на свежем воздухе, вокруг горы, птички, реки, а мы там на балконах себя выгуливали между коробками столетнего хлама с видом на ближайшую стройку. Ни походить, ни побегать. Да-да, я вполне еще бегаю, не надо тут. Конечно, не как мы с тобой на последнюю электричку из Москвы, но вокруг парка трусцой пробежать могу. Так что, брат, в трезвых буднях в моем возрасте есть свои плюсы, потому сегодня с минералкой. А фляга для антуража, как ты любишь.

Туристы спускались с водопада по тропе, пролежавшей в нескольких шагах от памятной плиты. Экскурсовод встал, как будто случайно заслоняя Мишу от остальной публики, оберегая от взглядов и любопытства. Миша подумал, что Витьке, наоборот, захотелось бы, чтобы люди подходили, спрашивали, чтобы послушали, поговорили о нем. Витька всегда любил внимание. В том походе он и вовсе вел себя, как на сцене: безуданно и громко шутил, носился как ужаленный, смеялся во весь голос. Уже на второй день он в шутку заметил Мише: «Если ты так и будешь со Светкой мямлить, я ее у тебя уведу, учти. Такая невеста рядом, а ты все тянешь!» Витька не был нагл, но порой подзуживал Мишу, то при всех говоря Свете необычные комплименты, то принося ей с утра пораньше лесной черники, то бегал в Светино дежурство за водой для каши, пока Миша только успевал об этом подумать.

Мраморную белую с серыми прожилками плиту водрузить удалось только следующей весной. Странные это были полгода между двумя поездками на Алтай... Миша практически не запомнил, как возвращались домой, как он мотался по Москве, развозя авторефераты рецензентам, оппонентам, выбивал какие-то бумажки и места. Кажется, должен был успевать делать десяток дел ежедневно, но все вокруг казалось таким замедленным, тягучим, бесконечно серым.

Где-то там присутствовала в осеннем тумане и Света. Только совсем не запомнилась. Пару раз они встречались, но Миша не запоминал эти встречи, так пусты они были. Ему не хотелось с ней говорить. Нет, он убеждал себя, что ничуть не винит ее: это могла сказать любая другая девчонка. Но зачем ему дальше с ней общаться, если это все же была она со своими глупыми цветами?

Света первое время, кажется, тоже переживала. Только вот о чем именно. Никто, кроме Миши и Витьки, и не слышал ее реплику там, у водопада, про цветы. Остальные девчонки с хохотом и ахами смотрели, как Витька карабкался вверх, а потом, когда все случилось, долго кудахтали бессмысленное: «Зачем же он туда полез, что он там хотел? Для чего же он так сглюпил». Миша молчал, Света тоже. Молчали в тот день, молчали до самолета и в самолете тоже об этом молчали. Они навсегда об этом замолчали, но это общее знание, для чего полез Витька, висело над ними и не позволяло поговорить об этом даже наедине.

До весны они как-то дотянули свое общение, а потом поехали устанавливать плиту. Девочки и правда все организовали хорошо, Мише осталось только найти местного водителя-грузчика с напарником, с которыми они и довели плиту на место. Обрато с Алтая Миша и Света возвращались по отдельности, и больше он ей не звонил. Судя по всему, она тоже все поняла. Хотя на том спасибо.

Последняя пара туристов поравнялась с экскурсоводом.

— Скажите, а пить из водопада можно?

— Я бы не советовал. Кто знает, что там наверху. Вон на соседней скале, видите, козы?

— Ой, точно. А как они оттуда спускаются? Это ж надо, какие резвые. Мы-то с трудом отсюда слезли.

— Да козы легко спускаются, в них это заложено природой. А вот бараны застревают. Козы — в этом плане провокаторы: бараны на них смотрят и вслед лезут в горы. Козы сами слезают, а бараны не могут, приходится снимать.

Туристы ушли к автобусу. Миша отпил еще воды, поглядел на Витьку. «Тут внук в прошлом году помог в Интернете Свету найти. Собственно, долго и искать не пришлось, она там в нашем институте законсервировалась. Знаешь, думаю, ты про нее ошибался. Смотрел я на нее, смотрел и понял, что ничего бы у нас и не вышло. Да и у тебя с ней, кстати, тоже. Профессорша, как сейчас говорят, деканша. А вот по лицу скажу — мегера мегерой, хоть и не постарела, кажется, вовсе».

Миша дождался, пока все туристы спустятся вниз, к трассе, и подошел к водопаду. Свежие брызги отдавали уже осенней холодностью. Летящие сверху струи превращались у подножия в мелкие широкие ручейки, которые легко можно было перейти по мокрым отполированным камушкам. Миша прошел по деревянной, подгнившей от сырости доске к середине подножия и посмотрел вверх. Там, наверху, так же беззаботно колыхались разноцветные сорняки, подставляя последним лучам солнца свои незатейливые бутоны.

ПОСМОТРИ НА МЕНЯ

Последнее, что он слышал, Витькин голос: «Юрка, назад! Обвал!» Потом просто глаза закрыл на мгновение, и вот — вокруг все тихо. И темно. Совсем темно, будто свет в подвале выключили. А ведь он был на втором этаже трехэтажки. Даже если завалило — хоть щели должны бы остаться.

Попробовал вдохнуть — грудь не придавило, а в легких — словно мешок пыли, закашлялся, понял, что дышать лучше поверхностно, по чуть-чуть. Хотел было прикрыть рот рукавом, но правую руку чем-то пережало, причем непонятно, в каком месте — чувствительность терялась сразу от плеча. Левую осторожно, по сантиметру, начал

подтягивать, нащупал живот, провел пальцами вверх, до лица, — как будто не мокро, значит, без кровотечений, уже неплохо. Надо было пошевелить ногами, но вдруг стало страшно: может, не получится, может, там перебило, и что тогда — с этими мыслями лежать? Лучше уж не знать, все равно самому не выбраться.

Юра вспомнил, что заходили они в этот полуобвалившийся дом где-то в районе обеда. Значит, в запасе еще буквально пара часов, прежде чем начнет темнеть и резко похолодает. В запасе у них, чтобы вытащить его при свете. В запасе у него, чтобы не заснуть от холода здесь навсегда.

Он подзабыл этот пронизывающий декабрьский холод первых ночей после прилета. Уже после нескольких часов разбора завалов стало ясно, что в многоэтажных домах, даже уцелевших, спать было бы безумием: толчки периодически повторялись, добывая все больше надтреснутых зданий. Но и на улице в декабре, даже под сваленными ворохом куртками и найденными одеялами, в первые сутки их жутко продувало. Когда ты валился с ног где-то рядом с твоей работающей бригадой, было все равно, как спать, лишь бы на пару часов закрыть глаза, расслабить ноющие с непривычки руки, выпрямить спину. Но потом, после такого сна, ты вставал еще более разбитый: голова гудела, тело бросало то в озноб, то в жар, а тебе нужно было снова разгрести как можно скорее, потому что счет шел на минуты. Тогда еще вытаскивали только живых, копая по голосам, тогда еще они были. Потом, через дня три, начали подвозить гробы, выкладывая штабелями в разных районах, чтобы бригадам не приходилось тратить время на перетаскивание тел. В любой другой момент жизни это бы показалось странным зрелищем — такие вот башни из свежеструганых деревянных коробок для тел, но не здесь, где штабеля эти растаскивали и заполняли за день.

Когда Юра предложил спать в гробах, ребята посмотрели на него с недоверием. Его самого не пугали суеверные страхи про накликивание смерти и прочее, но вот опасение, что по ошибке такой гроб могут заколотить и вывезти к захоронениям, а ты и проснуться не успеешь, зудело в нем каждый раз, когда он засыпал. Правда, недолго: после целого дня непрерывного тяжелого физического труда в сон проваливались за считанные минуты. В первый раз попробовали спать в открытом гробу, для надежности, а потом уже и крышкой стали прикрываться, чтобы совсем не дуло. Такой гроб обычно притаскивали к месту завала, где работала твоя бригада, и там по очереди спали по паре часов. В гробах было тепло, пахло опилками, свежим деревом и покоем в противовес уличным запахам пыли, трупов и горя.

Детский сад был первым обнаруженным зданием в районе их работы, которое практически полностью уцелело, не считая нескольких сколов. Они даже спрашивали у местного инженера, как так вышло. Оказалось, что сад не только был построен на удачном месте, но и в отличие от большинства сложившихся, как карточные домики, зданий был выполнен по старым образцам: стены из двойного кирпича хорошего обжига, какие-то там сваи и стяжки, выдержанный по всем правилам фундамент.

Когда строили детский сад, город еще только привыкал к советскому режиму, и местные не очень-то и планировали отдавать своих чад в учреждение, чужим теткам, ведь веками миссия воспитания лежала на матерях или добродушных армянских бабушках. Так что и строительство было неспешным, как семейная армянская трапеза в мирное время. Когда же строили все то, что теперь высылось пыльными кучами бетона, видимо, досрочно выполняли какой-то план по расселению. Пробираясь по подвалам или полуразрушенным этажам, Юра с ребятами слышали, как сыплется под тяжестью их шагов надтреснутый пол. Добровольцев сразу предупредили: все героизм на их ответственности. Никаких гарантий от обрушения, никакой пока что спецтехники, никакой по факту защиты. Только гордое название — спелеоспасатели.

Перебравшись в детский сад, они бурно восхищались мягкими детскими матрасами. Сначала спали, поджав ноги, как придется, потом кто-то додумался соединить вместе четыре кровати, чтобы вытянуться во всю длину. После даже начали укрываться одеялами, со временем привыкнув к мысли, что воспитанники сюда придут явно не скоро. Юра как-то хотел даже сполоснуться в детской ногомойке, но вода была, конечно, перекрыта. Пришлось довольствоваться просто спальными местами в тепле и относительной тишине — райскими условиями после их уличных «кроватьей».

Сейчас Юра отдал бы многое даже за то, чтобы оказаться хотя бы в теплом гробу, так сильно его пробивал озноб. Он саркастично улыбнулся своим мыслям: «В гробу еще оказаться успеешь».

— Конечно, успеешь. Уже готов? — голос раздался откуда-то сбоку. Женщина: белая кожа, черные армянские брови, только тонкие, узкий нос с горбинкой, круглые, чуть навывкате карие глаза — красивая. Смотрела на него надменно и с едва читающейся ухмылкой. Как будто видел уже где-то — не то среди местных, не то в посольстве в Москве, не то в книге.

— Видел-видел. Я за тобой давно смотрю. Ну что, дезертир, сбежал?

— Я? Да я не солдат. Я из добровольцев! Завал пошли разбирать, и вот... — недоуменно оправдывался Юра.

— А я не про армию... Я про дом твой. — Она говорила с частыми долгими паузами, как будто проверяла, как отреагирует Юра на каждую новую реплику. — Ты зачем сюда сбежал?! — уже сердито спросила она.

Юра, немного опешив не то от надменной, требовательной интонации, не то от красоты, почувствовал, что у него путаются мысли.

— Вообще-то, людей спасать... Услышал, что случилось, пришел в посольство, сказали, что добровольцы нужны, никто не едет. Я и пошел в автобус не раздумывая.

Она смотрела как будто с сомнением или презрением.

— Героем себя выставить хочешь? А если бы не землетрясение — дома сидел бы, что ли?

Юра замолчал, не понимая, что происходит и почему ему как будто за что-то неловко. Женщина скользила по нему взглядом, выжидая. Ледяная красота ее и влекла, и отталкивала. Будто Снежная Королева. Юра словно застрял в своих мыслях, сиюсь сдвинуться дальше и ответить, но голова работала плохо. Сидел бы дома? Ну, не то чтобы сидел — как все, работал бы, наверное. Почему вообще вопрос так поставлен...

— Свои последние слова жене помнишь? — нетерпеливо оборвала она.

Жена... А, ну да, Ольга, там, где-то в Москве. В голове будто открылся шлюз, и мысли потекли, заструились, вылавливая из памяти обрывки разговоров и сцен...

Какие конкретно слова были последними перед его отъездом — Юра, конечно, не помнил. Они поругались. Их с Ольгой конфликты разворачивались по стандартному сценарию уже года полтора. Самое жестокое, что он кричал ей: «Лучше б я сдох». Полгода назад она в приступе своей психопатии и сама начала желать ему того же.

Как-то летом в разгар ссоры он влетел в ванную комнату, закрыться где-то от этой ненормальной. Свет был выключен, но оказалось, за шторкой старший моется. Хотел рывкнуть, мол, в девять лет уже запираться надо. И тут сквозь шум воды услышал, как тот рыдает и что-то шепчет. Старший всегда плакал во время родительских ссор, по утрам вставал с опухшими глазами. Вот и в тот раз: жена с кухни полушипит-полурет: «Чтоб ты сдох, скотина, тварь». А сын все громче бубнит: «Боженька, пожалуйста, не слушай маму. Пожалуйста, пусть папа будет жить! Пожалуйста, не слушай ее!» И так тошно от этого стало, от бессилия своего, от слез этих детских, от просьб его. Дверь прикрыл, ушел на улицу, часа четыре слонялся. Ольга потом наутро плакала, прощения просила. Как всегда. Он сам уже не просил — не верил, что есть смысл. Ка-

кая разница — кто виноват? Это уже ничего не поменяет, просто типичная модель, в которую его загоняли с детства, прививая, как щенку, правильную реакцию «виновен — стыдись — извинись».

Мысли Юры прервал чуть насмешливый голос:

— Не вспомнил? — чуть ли не глазами сверкнула. И правда, как из сказки. — Пожелал ты ей, чтобы рыдала на твоей могиле. Что ж, бойся желаний своих, я услышала тебя.

Юра как будто и не удивился: так спокойно и твердо она это произнесла, словно вопрос уже давно решенный, улаженный, результат очевиден... Рыдать жена, конечно, будет, да недолго, наверное. Скорее, не столько из-за его смерти будет плакать, а оттого, что сама мысль жить дальше с воспоминанием последних их жестоких реплик будет сдавливать ей сердце. Но люди со всем справляются. У нее останутся сыновья. Младшему всего полтора, он и не запомнил, горевать особо не станет. Ольга будет ему рассказывать что-то хорошее об отце, и в его душе папа останется героем. А вот старшему, конечно, придется не сладко. Дети бывают жестоки, а он слаб духом, может, никто и не поддержит, а наоборот, будут знать, что заступиться некому. В школе, наверное, и так слывет нюней. Да и дома тоже, что ни предложишь — на все мнет, согласиться нормально не может, ногти до сих пор грызет, по сто раз проверяет с утра ранец. И жалко его, да в то же время как будто и времени не находилось мужика из него вырасти. И друзей у него, кажется, нет...

— Кажется? Хорош, отец, нечего сказать. Ты когда его спрашивал про школу последний раз?

Юра не успевал проговорить вслух, как она тут же подхватывала его мысли, раскручивала в непонятном направлении, уводила от главного.

— От главного? Главное — видимо, ты сам да твои горести-печали? Ты же хотел с ними покончить, так чего же, не рад теперь будто?

— Пацана жалко.

— А как жена его дерет ремнем — это не жалко? Тебя как лупили — до сих пор ведь помнишь: за порванную рубашку, за поцарапанный стол, за ободранные ботинки. Забыл, как в пять лет ремень сам же матери нес, ледяными вспотевшими ладошками сжимая?

— Я старшего даже пальцем!.. никогда, как себе в детстве слово дал. Ни разу за всю жизнь!

— Если сам не лупишь, то можно глаза закрыть на то, из комнаты уйти, пока она его лупит, в телевизор уткнуться, и ты ни при чем?

Юра хотел было что-то ответить, но, как во время Ольгиных извинений, почувствовал, что это ничего не поменяет. Он молчал долго, как-то устало и без интереса отмечая, что лежал уже будто не под завалом, а в пустой пещере с высоким сводом и тусклым отсветом огня. Он молчал, проваливаясь в нескончаемые сцены своей боли — в детстве, юности, в браке. Когда Юра читал в книгах, что перед смертью у человека в сознании проносится вся жизнь, он думал, что проносится должны хорошие моменты, а не все самое тяжелое. Хотя сейчас стало так тошно от этих воспоминаний, что и помирать вроде проще. Может, в том и суть.

Он открыл глаза, как будто ото сна через какое-то время. Сколько прошло — было неясно. Пальцы уже едва шевелились от холода. Напротив все так же стояла она: красивая, странная Снежная Королева. Смотрела не отрываясь, а ему уже и не хотелось глаза отводить. Чего стыдиться, если она и так все про него знает.

— Ты зачем упрямый такой? Я ведь тебя сколько раз предупредила, сколько не пускала сюда!

Юра не понимал, о чем идет речь: ведь его путь в Ленинакан был таким спонтанным и естественным. Из дома ушел злой после очередной ругани, где-то на улице услышал про землетрясение, поехал к посольству, оттуда в автобус, потом в самолет...

— А дальше? Я же самолет ваш не пустила туда. Забыл?

Как тут не помнить? В тот день он впервые так остро увидел обратную сторону всесоюзной дружбы. Было неясно, насколько целы взлетные полосы в Ереване, потому сажать самолет решили в Баку. Но последствия конфликта народов вылились в откровенно гадкие споры там, на аэродроме, когда местные не захотели пускать людей и грузы в помощь Армении по своим дорогам. Конечно, спустя несколько дней потом и враждующие поняли, что случилось, и после помогли всей страной, но в ту первую ночь всю силу южной гордости и упрямства местные обрушили на их гуманитарную миссию.

В итоге Юра и еще дюжина добровольцев решили сесть в военный вертолет, чтобы как можно быстрее доставить хоть какую-то часть груза и рабочих рук на место.

— Вспомнил, значит? Я ведь рассчитывала, что ты обратно повернешь, вам же предлагали. Так нет, мало того, остался, еще и пошел подзуживать всех, чтоб не ждали до утра!

Юра улыбнулся, вспоминая, как он и правда тормозил еще «зеленого», только, видимо, из училища лейтенанта, давил то на совесть, то на страх, то на будущую благодарность от начальства за находчивость. Уговорил-таки его выделить им военный вертолет. Сейчас и сам не мог вспомнить, почему так включился, зачем носился, буд-то это у него кто-то под завалами лежал. Думал ли он в тот момент о людях там... Он вообще, кажется, не успел подумать. Просто внутри все кипело, адреналин в крови.

— Правильно рассуждаешь — не сочувствие тобой двигало. Все смотрела, одумалась ли. Остановить тебя попробовала еще раз, в вертолете, так нет же! — она метнула такой взгляд, будто уничтожить его хотела. — Только такие обезумевшие от своих идей могли согласиться прыгнуть с парашютом. Из вас даже не служил ни один, герои!

Юра помнил, как и правда осекся и замолчал пилот после того, как все согласились на его предложение прыгать. Как будто он и сам не понял, что только что сказал или, может быть, пошутил неудачно. До этого почти час вертолет трясло так, будто они ехали в грузовике по весенней деревенской дороге, когда после недели дождей солнце за два дня высушивает всю грязь, превращая путь в каменные насыпи. Сиденья в вертолете были железные, отчего с каждым ударом казалось, что твой позвоночник проседает. Хорошо, что снаружи была полная темнота: наверное, если б они видели, как пляшут в окошке пейзажи оттого, что их вертушку швыряет, словно кленовый лист, страх присмирил бы их. Пилоты матерились отборно и громко, пытаясь перекричать гул лопастей. Всем было очевидно, что места для посадки не разглядеть: ни огонька, ни намек на жизнь, разрушено было все. Потому и на вопрос, кто готов прыгнуть, все согласилось не раздумывая, хотя ни один не представлял даже, на какой высоте они находятся.

Юра улыбнулся, почувствовав снова тот прилив юношеской бравады с привкусом страха и ощущением сопричастности к чему-то большому, значимому — все то, что сопровождало его до первого найденного трупа. Да, наверное, лучше бы было разбиться там, в ночном перелете, как будто героем, чем вот здесь медленно заледенеть под завалом среди тысяч таких же навсегда замерзших в руинах города. Но и так тоже пойдет. В конце концов, он постарался сделать в своей жизни хоть что-то стоящее и ценное. Много, наверное, пересмотрел бы, если б дали шанс, да ну что теперь.

Юра закрыл глаза и с улыбкой начал представлять, как бы могла сложиться его жизнь... Он прокручивал самые прекрасные варианты из своих мечтаний: становился

великим пианистом, которым гордилась мама, растил в деревне десяток детей, смотрел, как старшего награждают на плацу в Суворовском училище...

Юра проснулся, услышав ее шорох. Платье шелестело совсем рядом. И пахло от нее чем-то невыразимо свежим. Наверное, прошла уже ночь. Пальцы рук начали совсем замерзать, еле двигались.

— Я вспомнил!

Она вопросительно посмотрела на него, но уже без злобы.

— Последние слова мои перед отъездом вспомнил. Я ей от посольства из таксофона звонил. Сказал, что уезжаю в командировку. Чтобы деньги брала из отложенных, должно хватить. И чтобы младшего, если будет тяжело, матери отвезла моей. Так что, получается, другое пожелание-то. — Он слегка улыбнулся, хоть и ожидал от нее очередного злобного взгляда. В его положении бояться взгляда женщины, пусть и мистической, все равно было бы смешно. Теперь хотелось смотреть во все глаза, пока есть время. Хотя бы смотреть на эту странную красоту. В ответ она лишь слегка усмехнулась.

— Ну если так, то ты еще и отсюда ей передать велел, что ты в Армении. Помнишь?

— А что, дозвонился ей, что ли, тот парень? Ну хорошо, хоть будет знать, спокойнее. Я-то не знал, что здесь связи не будет вообще, так бы еще в Москве сказал, куда еду. Теперь и правда спокойнее, раз дозвонились ей. А то еще навдумывает, почему я пропал, где таскаюсь, накрутит себя, а на старшем всю злость выместит. Она ведь за все наши ссоры на нем срывалась, я же понимаю. Теперь вот успокоится, может.

Женщина смотрела как будто сквозь него. Точно как колдунья или ведьма. Только вроде не злая уже.

— Отпущу я тебя. Останешься жив. Но будет тебе рана на всю жизнь такая, чтобы не забыл. Не снаружи, внутри будет ныть да выкручивать. И чем дальше ты будешь вязнуть в своем бездействии и безразличии, тем сильнее она будет мучить. Жить будешь столько, сколько будешь кому-то нужен.

— А ты, тебя как зовут-то? Ты кто? — в голове мелькали армянские имена. — Нанэ? — почему-то прозвучало отчетливее других.

— Для тебя сейчас, может, и Нанэ. — Она даже как будто улыбнулась, а потом снова сдвинула брови. — И еще. Не быть тебе здесь больше героем. Работать будешь, до смерти уставать, но живых больше не жди — не найдешь. И благодарности не увидишь. Уезжай, когда поймешь, что все сделал, связи с этим местом не ищи, все останется с тобой.

Юра услышал голоса где-то совсем рядом и крикнул в ответ что было сил. Его голос оказался совсем сильным. Ребята вытащили его за несколько минут. Повезло: он оказался в нише арки, а руку придавило шкафом; второй такой же шкаф завалил подступы, перегораживая свет снаружи, но как только его разломали, то вытащить Юру оказалось пустяком. Его отнесли в госпиталь, но врач практически сразу сказал, что может отпустить счастливчика. Ребята смеялись его везучести, пытаясь растормошить растерянного друга. Все, что произошло там, внутри, казалось теперь просто его бредом. Бредом замерзающего, отчаявшегося человека, заблокированного в темноте.

Рассказывать кому-то про Снежную Королеву, как он ее про себя называл, было бы глупо, а оставаться с этими мыслями наедине ему казалось опасным — вдруг совсем свихнуться можно. Отоспавшись на детских кроватях, Юра вернулся к работе уже на следующий день.

В то утро Юра, а потом постепенно и все ребята в бригаде начали замечать, что город замолчал: перестал рыдать, подвывать, кричать в небеса, бубнить молитвы возле развалин, громко тянуть спасателей за рукава и просить «поскорее расчистить вот

это место, там точно кто-то звал». Повисшая тишина не казалась ни зловещей, ни пугающей, ни предвещающей что-то страшное. Она была пустой, ровной, даже вакуумной. Будто пролетела ведьма из сказки, махнула над городом плащом да забрала у людей чувства. Только вот какого-нибудь героя-спасителя, который вернул бы жителям эмоции, вовсе было не надо. Радости в этом месте еще долго не будет, а страха и отчаяния и так хватило. Уж лучше без чувств.

Сначала замолчали выжившие местные (стонов раненых уже не слышали несколько дней, неоткуда им было взяться после декабрьских ночей под завалами). Потом, как будто эхом за ними, начали умолкать и все, кто приехал помогать, — по инерции, словно и нельзя было эту тишину нарушить. Юре казалось, что теперь стало легче: выдерживать все эти крики и чужую боль сейчас было бы невыносимо.

В повисшей тишине работа пошла конвейерная, как на заводе. Добровольцы и местные военные механически разгребали все, что могли, местные ковырялись на развалинах, пытаясь выудить хоть что-то. Теперь, спустя неделю, люди начали понимать, что нужно двигаться дальше, как-то заботиться о себе, просто выживать: добыть одежду и теплой одежды, попытаться откопать хоть какое-то имущество, чтобы потом продать и купить еды, достать любые кусочки, клочки той, прошлой жизни — помятую фотографию, настенные часы с повисшей, вывалившейся кукушкой, цветной шерстяной платок или отбитую фарфоровую статуэтку пастушки — чтобы, хотя бы глядя на те осколки, вспоминать, согреться, находить силы жить.

Ближе к шести вечера все собирались и замирали: смотрели на вереницы деревянных, наскоро заколоченных гробов, загружаемых в грузовики. Юра с ребятами прошлой ночью видели, как эти гробы привезли обратно пустыми, со следами вытащенных из крышек гвоздей. Возможно, и местные это заметили, но никто не задавал вопросов. Видимо, с гробами тоже были перебои.

Как и предсказала в видении Снежная Королева, выживших Юриной бригаде больше не попадалось. Доносились слухи, что кому-то везло: вроде как вытащили полуживого мужчину. Всем хотелось верить, но было ясно, что их работа превратилась просто в разбор завалов.

Просьбы местных поменялись и теперь раздражали. Пожилая армянка возле одного из завалов все упрашивала их бригаду спустить сверху ее пианино. У того дома, как кусок торта, обвалилась сбоку примерно треть, обнажив срез нескольких квартир. С четвертого этажа нависало то самое пианино. Черное, лакированное, пугающе целое на фоне этого дикого пейзажа руин. Армянка не выглядела обезумевшей от горя, и оттого Юре становилось совсем тошно: она все причитала и упрашивала, даже несколько раз уточняя, можно ли это сделать за деньги.

Юра услышал, как Виталик, злобно ругнувшись, сплюнул. Кто-то из ребят демонстративно ушел копать в другой конец дома. А Юра вспомнил слова своей гостьи про благодарность. Ухмыльнулся только, как быстро все может поменяться. Еще за пару дней до того, как его завалило, он отдал свою пару перчаток приехавшему из Еревана к родному дому пареньку. Дом был смят полностью, парень голыми руками пытался потихоньку разбирать завалы, чтобы найти тела своих. Когда Юра молча протянул ему перчатки, тот так искренне начал благодарить, что даже и неудобно стало. Просто перчатки, их к тому моменту раздали всем спасателям по несколько пар на день. Перчатки, чтобы парень мог просто найти, что захоронить... А теперь вот пианино.

Через неделю в город начала приезжать мощная техника: огромные краны оттаскивали плиты, экскаваторные ковши загребали целые кучи смеси бетона и всего того, что раньше было чьим-то бытом: осколки кафельной плитки, цветастый халат, детский ботинок, уцелевший плафон, электрическая бритва... Город начали вычищать.

Для группы Юры и десятка таких же работы оставалось все меньше. Где-то смогли восстановить дороги, и теперь целыми взводами привозили солдат и профессиональных строителей. Это были серьезные, хорошо экипированные люди, организованные в группы с руководителями, четкими целями, ежедневными отчетами. Все стало по-другому. Юра приезжал в объятый хаосом город, в котором никто ничего не понимал, бросались к любым точкам, где была хоть какая-то надежда; никакого плана, никакой скоординированности, просто делай, что можешь, раз прилетел. Делай, сколько можешь, пока не упадешь от усталости, чтобы, поспав пару часов, снова вернуться к делу. Теперь же здесь развернулись люди с указаниями, планами, структурой.

Их бригаду направили откапывать руины на месте разрушения ювелирного магазина, пояснив, что это государственно значимый объект и очень важно достать все, что можно. Юра монотонно собирал и записывал все, что приносили его ребята, невольно испытывая тоску и раздражение: как быстро его путь скатился от роли спасателя до какого-то казначея. Никто ничего и не думал воровать, но ребята приуныли: они летели сюда не за таким трудом. Юра старался не возвращаться к своему видению, но отголоски фраз так и звучали ледяным ее голосом: «Не быть тебе здесь больше героем...»

Юра уточнил у одного из лейтенантов сегодняшнюю дату. Оказалось, он просчитался на день: уже было двадцать шестое декабря. Надо было домой. Мишка, наверное, извелся. Юра вжал голову, поймав себя на том, что впервые за долгое время назвал сына по имени — обычно в мыслях да и в разговорах с кем-то он называл его просто «старший». И как-то так непривычно стало, не то больно, не то тепло. Да и с чего вдруг он понадеялся, что Мишка по нему скучает. Пожалуй, это его, Юрина, тоска по сыну вдруг дала о себе знать.

Он поговорил с ребятами, почти все решили возвращаться домой. Никто, конечно, не рассчитывал на быструю отправку — не до них сейчас, но и задерживаться здесь уже казалось бессмысленным. Однако военное начальство уже к вечеру сообщило, что завтра утром всех желающих из отряда Юры доvezут до Еревана и посадят в самолет на Москву.

Билеты им выдали на обычный гражданский вечерний рейс. В аэропорту в основном прохаживались люди в хороших пальто, с кожаными портфелями и чистыми чемоданчиками — в Москву кто попало не летел.

Юра с ребятами стояли поодаль, пока не объявили посадку. Только здесь он начал ощущать, что от их группы ужасно пахнет потом, непромытой, ночной сыростью. Большинство добровольцев, как и он, полетели из Москвы, в чем были. Да даже те, кто прихватил рюкзак со сменной одеждой, все равно за эти дни все сносили, а стирка была неуместной. Они стояли в казенных протертых комбинезонах, оставленных им как непригодные для дальнейшего использования. В одной руке Юра держал пакет с меховой шапкой и пальто, в котором садился в московский автобус до аэропорта, как будто целый год назад. Надевать пальто на комбинезон казалось кошунством. Во второй руке он, как и все, держал оранжевую каску с фонариком, прихваченную на память. Как странно теперь возвращаться в жизнь этого московского пальто: сесть в такси, проехать по вечерним улицам, с потоками торопящихся людей, высокими кирпичными зданиями, светящимися окнами, детской беззаботной болтовней по пути со второй школьной смены.

Впопыхах утренних прощаний, скупых слов и последних взглядов на руины города никто из его бригады и не подумал запастись едой в дорогу. Последнюю неделю полевая кухня работала отлично, с каждым днем им привозили все новые и новые пайки, добавляя к изначальной гречке тушенку, другие консервы и даже овощи. На-

верное, по инерции ребята предположили, что и здесь накормят. До шестичасового вылета было еще четыре часа, а они не ели со вчерашнего вечера. Конечно, первые дни работы они провели без пищи почти трое суток, но теперь это казалось таким далеким. Да и там, на развалах, когда каждый час время утекает и надеешься еще кого-то спасти, там о еде не думалось так остро. А сейчас, в этом как будто промежуточном отсеке, где они застряли на несколько часов в бездействии, хотелось себя занять чем угодно: поесть, почитать, покурить, лишь бы не проваливаться в это ощущение тоски и резко накатившей ненужности.

Витька выудил из рюкзака банку сайры: «Осталась с позавчерашнего ужина!» — просиял он. У кого-то раздобыли консервный нож. Банка была одна на всех: ели по кругу, стараясь выглядеть поприличней. Там, у костров, им было бы все равно, как они выглядят — они чувствовали себя героями, спасателями, мужиками. Здесь, среди ухоженной, вычищенной публики со свежими газетами и книгами в руках, им почему-то становилось неловко.

Юра заметил на себе взгляды группки армян и отвернулся. «Мы же твоих земляков вытаскивали, чего смотришь? Сам бы полез!» — огрызнулся он про себя. Консервы доели, а в животе только разыгралась буря. Они сидели в стороне от сидений зала ожидания, опершись о стену, как будто какие-то слесари или строители. Чуть позже он заметил, что к ним направляются двое из той смотревшей компании. В голове мелькнуло притвориться спящим, чтобы никто не цеплялся.

— Простите... Вот, возьмите! — услышал он где-то сверху с классическим армянским акцентом. Подняв глаза, Юра увидел протянутый ему бутерброд. Еще два таких же второй армянин протягивал Витьке и Сане. — Это все, что у нас с собой есть из еды. Вы оттуда, да?

— Оттуда. Спасибо, — ребята взяли бутерброды и начали делить с остальными.

Армяне, смущаясь, отошли. Всем было неловко в эти пару мгновений, и Юра был рад, что подошедшие не решились задавать вопросов или благодарить. Еще через полчаса к ним приблизилась зрелая пара: мужчина в пальто с меховой оторочкой и его дама, с немного фиолетовыми волосами и пахнувшая какими-то импортными духами. Они протянули завернутый в бумагу большой сверток: «Возьмите, дорогие, кушайте! Спасибо вам!» От этих слов все засмутились. Юра почувствовал, что к горлу ком подступает, и сделал вид, что закашлялся. Поспешно отвернулся, нарочито кашляя в рукав, оставив ребят самих разбираться с дарителями. Когда пара отошла, Витька развернул сверток — запахло домашним тестом и мясом. Большой пирог явно предназначался для торжества: румяная корочка была украшена цветами из теста. Такой пирог Юре пекла мама на свадьбу. Жена печь не умела. Угощение разлетелось за несколько минут, обнажив расписанное восточными узорами блюдо.

От этого пирога так захотелось домой. Юра попробовал сформулировать что-то конкретнее, представить квартиру или ванну, домашние тапки, запах с кухни, чистые простыни... Ничего не цепляло. Как будто просто домой — такое большое и общее. Не к Ольге или детям, не к матери в поселок, но просто к себе.

Уже в самолете, ближе к Москве, они разодрали чью-то тетрадку на листочки, чтобы оставить друг другу телефоны, по которым, конечно же, Юра никогда не позвонит. Ребята менялись на глазах: лица становились напряженнее, паузы в разговорах длиннее, движения более неловкими. Исчезла та юношеская резкость, легкость, импульсивность. Каждый это подмечал и не хотел подмечать одновременно. Они прожили три недели отрезанными от мира. С каждым из них так много произошло, сколько мыслей, страхов, воспоминаний... Казалось бы, это должно было поменять мир вокруг. Но вот сейчас самолет приземлится, они, быть может, еще группой пройдут через здание аэропорта. Вероятно, кто-то вместе доедет на автобусе до метро, а там уже вдво-

ем-втором проедут несколько станций, но все это будет сопровождаться все более нарастающим неловким молчанием — в этом московском мире их так мало объединяет... Лучше уж сразу уйти ото всех.

Юра часто ходил в горы, и почти каждый год до рождения младшего они с Олей сплавлялись в Карелии, да и просто в профсоюзе иногда давали путевки на двухдневные экскурсии. Из всех этих путешествий они забирали с собой не только воспоминания, но и новые знакомства, которые нередко перерастали в крепкую дружбу семьями. В эту поездку было совсем не так.

Он мельком поглядывал на ребят, впервые подмечая какие-то детали их внешности, мимики, речи. Витька, оказывается, был комически лопух, а Санек картавил. Их объединили не песни у костра и красивые закаты, не совместная палатка или общая фотография со счастливыми улыбками. Их объединило то, о чем Юра не захочет рассказать ни сыновьям, ни Ольге. Таким не делятся. Он, не отслуживший в армии, но получивший звание лейтенанта запаса после окончания военной кафедры, в своих юношеских снах мечтал когда-нибудь быть отправленным в пекло военных действий. А потом вернуться домой спустя пару месяцев с таким взглядом, который видел только в наших фильмах, чтобы жена, не задавая вопросов, лишь молча ставила бы еду на кухне и оставляла его одного, а он ночами, подолгу не засыпая в душной постели, выходил бы курить на балкон, часами всматриваясь в темное небо.

Правда ли это, что потом такие вот сослуживцы, прошедшие страшные моменты, ценят каждую возможность встречи, подолгу шумно обсуждая с постаревшими друзьями все пройденное? Или же они просто пьют, объединенные каким-то общим, понятным всем молчанием. В любом случае Юре казалось, что он так не сможет. Может быть, с ним что-то не так, но дальше ему хочется остаться с этим одному.

Он добрался до своего дома уже к ночи, еще с улицы заметив в окне спальни голубое свечение телевизора (вечное его ворчание, что она не задергивает занавески). Открыв дверь заедающим ключом, услышал, как жена в комнате торопливо начала надевать тапочки, по привычке сброшенные на пол, когда она поджимала под себя ноги. Он только успел ей крикнуть, чтобы обождала: он с таксистом сначала расплатится. Юра прошел на кухню и достал из их семейной банки деньги, втянул воздух дома, разочарованно не уловив запаха съестного: с чего бы, он и не предупреждал о приезде, но все же стало еще грустнее.

Таксист был отпущен, дверь заперта, и Юра остался в этой тишине прихожей.

— Спитак? — жена, замершая в проеме полуоткрытой двери гостиной, разглядывала его с тревожным прищуром.

— Ленинанак.

И вот они стояли, точь-в-точь как в тех самых военных фильмах, выдерживая паузу в сцене возвращения героя домой. И она по классике жанра, конечно же, ничего не спросила, прошла на кухню и начала что-то вытаскивать из холодильника. Только сейчас вместо гордости его накрыло острое разочарование: какие же дурацкие это были мечты! Как хотелось, как нужно ему сейчас было, чтобы их сцена стала совсем другой, чтобы она нашла что сказать, что-то очень важное и родное, чтобы спрашивала, и плакала, и говорила снова. И это был бы самый сильный, самый близкий их разговор за последние годы.

В середине января его забрали в больницу с подозрением на аппендицит. 1989-й начинался безрадостно. Боль, истощавшая Юру уже несколько дней, постепенно стала совсем нестерпимой. Когда к ней добавилась рвота, Ольга вызвала неотложку. В больнице его продержали почти две недели, наконец поставив диагноз «язва желудка».

Врачи неодобрительно ворчали, мол, как он мог себя запустить в таком молодом возрасте, с недоверием слушая его ответы про отсутствие вредных привычек и абсолютно безалкогольный Новый год. Производство не вредное, работа в конструкторском бюро не стрессовая, жена готовит. Юра после их обходов подолгу лежал, укрывшись с головой казенным, пахнущим кладовкой одеялом, с ухмылкой вспоминая Снежную Королеву. Его койка стояла в углу возле окна. Если поднять руку чуть выше изголовья, то можно было почувствовать сквозняк, вьющийся с подоконника, а снизу он дотягивался ногами до горячей батареи. Ему нравилось чувствовать себя все-таки сильным: самому «регулировать» холод или тепло. Как когда-то ребенком сам придумывал себе препятствия и сам же в фантазиях с легкостью справлялся с ними.

Знакомые в один голос охали, что, конечно же, в Армении Юра и посадил здоровье, насмотревшись на такое. Сам он не гадал, где она — правда. Теперь он часто вспоминал в деталях те несколько часов, которые провел под завалом, вновь и вновь убеждая себя, что *она* обещала, что жить он будет долго, хоть и с болью.

К марту напряжение в отношениях с Ольгой снова усилилось. Он уже предчувствовал, как хлынет из нее поток подавленного и припрятанного за время Мишкиных зимних каникул и затянувшихся скитаний по докторам. Ольга долго держалась: страх за мужа, которому врачи прогнозировали ухудшение болезни, на время вытеснил все остальные эмоции. Она находила через знакомых каких-то особо одаренных профессоров, выписывавших вонючие настойки и кисели, она готовила ему пресную, без капли жира пищу, от которой воротило больше, чем от больничной. Она действительно старалась сдерживать свои вспышки гнева, чаще уходя вечерами читать в комнату. Но когда она демонстративно поджимала губы и, удерживаясь от очередной едкой реплики, молча отворачивалась, ему становилось тошно настолько, что хотелось уйти.

Когда в один из вечеров Ольга начала орать на Мишку за чернильное пятно на рубашке и схватилась за ремень, Юра вошел в детскую и очень спокойно сказал: «Миша, иди накинь куртку, надо поговорить». Жена замерла с гримасой гнева и отворачивания. Вглядываясь в ее лицо, Юра понял, что ничего у них дальше не будет. Просто нечему больше быть. Она как будто услышала его мысли, подернула плечами, швырнула ремень в угол и ушла в спальню.

Юра шел с сыном по унылым улицам. Март в этом году ужасно не шел Москве, и она, словно женщина, стесняющаяся своих заштопанных колготок, вся будто робко ежилась, глаз не поднимала, старалась стать незаметнее. Грязные подтаявшие сугробы, еще более унылые в тусклом свете редких фонарей, пахли несвежестью, расплзались по асфальту хлюпающими лужами.

Юра взглянул на сына: Мишка шел, засунув руки в карман заношенной куртки, как будто приплясывая, перекатывался с пятки на носок. Почувствовав взгляд, Мишка поднял на Юру глаза и робко улыбнулся. И таким он нормальным показался в этот момент, таким обычным мальчишкой! Никаким не плаксой, не размазней. У Юры защемило от ощущения вины: как мало надо было пацану, чтобы улыбнуться — всего лишь защиты. Юра не сразу нашелся, как коснуться сына: обнять — слишком сентиментально, за руку взять — вроде уже не маленький. Юра неловко потрепал сына по макушке и притянул за плечо к себе. Мишка снова удивленно поднял глаза.

Так они и бродили молча часа два по их невзрачному району, пока совсем не стемнело. На подходе к дому Мишка снова погрузился.

— Пап, а я вот хотел сказать. Я вот знаю, что Деда Мороза нет.

— Хм, деловой. А чего ж подыгрывал? Может, тебе уже на следующий год можно и подарок не дарить?

Мишка улыбнулся и махнул рукой.

— Подожди, пап, вот послушай. Про Деда Мороза все понятно. Это так придумали для детей, чтобы радовать и подарки дарить. А вот ты как думаешь, все остальные мифы и легенды — всего этого тоже никогда не бывало? И сказки тоже все совсем придуманные или, может, что-то очень-очень давно могло быть такое, похожее?

— Вообще, советскому человеку, Мишка, особенно мужчине, о всяком волшебстве, магии, сказках и прочих придумках думать и разговаривать не положено. — Юра краем глаза заметил, как сын снова начал втягивать шею и опустил подбородок в воротник куртки. — Но я тебе скажу по секрету, я вот не уверен, что чудесного совсем нет. Или, может, оно не чудесное, а просто странное, пока необъяснимое. Не все пока человек изучил, не все понимает. Потому и не знаю точно, где она, правда, где вымысел, а где, может, сон.

— А знаешь, пап, мне такой сон снился, когда ты уехал, что как будто я кого-то очень сильно попросил, чтобы ты вернулся. Не помню уже, кто там был. Но вот я так грустил, и мама злилась много и кричала на меня много. И я прямо так сильно просил! А ты потом раз — и через несколько дней приехал! И я подумал, ведь, может, это потому, что я попросил?

Юра посмотрел на Мишку:

— Да? Ну спасибо тебе, что попросил. Наверняка помогло. А кого просил-то? Если не Деда Мороза, то, может, Снежную Королеву?

Мишка посмотрел удивленно, не понимая, смеется ли над ним папа или как.

— Да ну, пап, я ж знаю, что это сказки, — Мишка начал ковырять какую-то болячку на пальце. — Просто кого-то попросил.

На выходных Юра отвез Мишку в поселок к матери. Поначалу договорились с Ольгой, что это временная мера, но в душе Юра знал, что до конца учебного года сына лучше домой не возвращать. Мишка любил бабушку какой-то немальчишеской ласковой любовью столь искренне, что и сама она начала отвечать ему удивительной нежностью, даже стесняясь при сыне своих чувств к внуку. Совсем по-другому она воспитывала Юру, своего единственного сына.

Пристроив Мишку, Юра съехал к другу в общежитие. А потом был на удивление спокойный развод: Юра оставлял жене квартиру и обещал взять больше заботы о детях. Мишку решили оставить у бабушки на лето, пока младший не пойдет в детский сад. Юра навещал сына у матери по выходным, а к осени снял комнату поближе к работе и перевез Мишку к себе. Жена как будто и не удивилась.

Жизнь потекла своим чередом. По субботам Юра привозил Мишку к Ольге, а в воскресенье брал обоих сыновей к себе. Ольга хоть поначалу пыталась задевать его при каждом появлении, но Юра научился играть в уставшего и больного, не реагировал на ее слова, как будто не имея сил. И Ольга постепенно успокоилась, затихла.

Ночами Юре часто снилось, что его заваливает и снова приходит его Снежная Королева. Смотрит одобрительно и молчит.